

Ю. А. Киселева

**ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ МАРКИРОВАНИЕ
В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ
(НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ
РАБОТ В. П. БУЗЕСКУЛА)**

Статья представляет собой вариант case-studies и посвящена исследованию эмоционального маркирования, присутствующего в историографических репрезентациях историка Харьковского университета В. П. Бузескула. Автор рассматривает вопрос об особенностях репрезентации эмоций в историографических текстах, а также их значения в качестве элементов исследовательского инструментария историографа эпохи позитивизма. В статье обосновывается тезис, что эмоции в текстах В. П. Бузескула выступали объектом исследования, инструментом аргументации и частью исследовательской гипотезы. Автор статьи высказывает мысль, что исследование эмоций и эмоционального маркирования может обогатить исследовательские подходы современной истории историографии.

Ключевые слова: история эмоций, эмоциональное маркирование, история историографии, В. П. Бузескул, историческое мышление, историографическая рефлексия.

На современном этапе развития гуманитаристики, когда эмоции становятся важным объектом изучения в рамках различных дисциплин и исследовательских полей, все уверенней говорят о свершившемся «эмоциональном повороте» [См. 6; 10]. Увлечение ученых такого рода проблематикой можно объяснить не только научной модой, но и определенными эпистемологическими предпосылками. Современная наука вступает в постнеклассический этап своего развития, связанный с акцентированием внимания на субъекте и его познавательной активности. Своеобразным воплощением данного этапа в исторической науке можно считать утверждение конструктивизма с его абсолютизацией интерпретационной деятельности исследователя, когда осмысление работы историка происходит не в терминах «объективного поиска исторической истины», но в терминах сознательного конструирования

им прошлого. Однако подобная замена терминов влечет и определенные проблемы. Во-первых, конструктивизм сам по себе не устанавливает границы интерпретационной деятельности историка, а, во-вторых, идеи конструктивизма плохо конкурируют с традиционным идеалом «объективной истории» в сознании читателей. В этих условиях возрастает интерес к ценностным, в том числе и эмоциональным основам исследовательской работы ученых. Рефлексия о ценностях, эмоциях и добродетелях становится, таким образом, способом осмысления интерпретационной деятельности историка и одновременно способом ее репрезентации и оправдания в глазах потребителей «исторической продукции». Сама объективность начинает рассматриваться как ценностно-эмоциональная категория и сопоставляется с другими эмоциями. Например, Ева Доманская замечает, что то, чем являлась «правда» для академической истории, сопоставимо с тем, чем является «искренность» для неконвенциональной истории [12]. Таким образом, главным результатом происходящих изменений является то, что сегодня этико-эмоциональная позиция исследователя становится предметом саморефлексии и обсуждения.

Именно эти условия способствовали появлению нового направления в проблемном поле изучения эмоций. Так, по мнению Андреаса Буллера, наряду с собственно историей эмоций исторических акторов прошлого, рассматривающей эмоции как фактор исторического процесса, можно выделить проблемную область, рассматривающую эмоции как фактор исторического мышления [См.: 11]. Исследователей, работающих в этой области, объединяет внимание к так называемым «возвышенным эмоциям»: скорби [См. 15], состраданию [См. 11], искренности [См. 12]. Общей является и интенция доказать, что данные чувства не столько окрашивают определенной эмоциональностью репрезентации историков, сколько участвуют в процессе глубинного смыслообразования в исследовательской практике ученых, являются условием и неотделимым элементом процесса исторического мышления исследователей [15, с. 42–43].

Необходимо оговорить, что данные исследования пересекаются с таким субнаправлением как эпистемология добродетелей (*epistemic virtue*). Представители данного направления пытаются изучать сущность исследовательской деятельности историков и их представления о профессионализме сквозь призму культивируемых ими достоинств (к которым относятся, например, честность,

объективность, интеллектуальная отвага и т.д.). По мнению Г. Пауля, концепт «эпистемологические добродетели» способен обогатить исследовательский инструментарий как философии истории, так и историографии. Последней предлагается изучать эволюцию добродетелей и недостатков в рамках отдельных дисциплин и практик, проблемы их конфликтности в диахронном и синхронном срезе, соотношение эпистемологических добродетелей ученых и современных им систем моральных убеждений [13, с. 12–14].

При этом само проблемное поле эпистемологии добродетелей зависит от определения сущности самих добродетелей. Если раньше в качестве достоинств в большей мере фигурировали такие когнитивные способности как память, внимательность, тщательность исследования, которые носили отчасти врожденный характер, то со временем на смену им пришли личностные черты характера, такие как интеллектуальное бесстрашие и критицизм, которые воспринимались как результат целенаправленной интеллектуальной тренировки исследователей. Сегодня происходит очередной этап переосмысления сущности добродетелей ученых, и наряду с критицизмом становится актуальной чувствительность и способность сострадать. Данные изменения обусловлены необходимостью интерпретации и преодоления сложной истории XX века и воспринимаются отчасти как результаты осмысления данной истории и выводы из уроков истории историографии новейшего времени [См.: 11]. Таким образом, изучение эмоций не является только данью интеллектуальной моде, но вполне соотносится с проблемами развития современной гуманитаристики. Эта сфера может стать перспективным исследовательским полем и для историков исторической науки.

Однако при этом остается открытым вопрос о подходах к изучению эмоций в проблемном поле историографии. По нашему мнению, подобные исследования должны проводиться на основании сочетания подходов «истории эмоций» и «эпистемологии эмоций». С одной стороны, необходимо рассматривать сообщества историков прошлого как особые «эмоциональные сообщества» [14, с. 842–843], которые разделяют общие нормы выражения и оценки эмоций, соотнося их с актуальными нравственными ценностями и представлениями об идеалах науки и образе ученого [См.: 9]. С другой стороны, важно исследовать влияние эмоций на историографическую исследовательскую практику ученых: как эмоции влияли на выбор предмета изучения и

на характер проведения исследований, какое участие они принимали в познавательных процедурах историографов и как воплощались в историографических репрезентациях, т.е. собственно речи идет об исследовании на микроуровне эмоционального мира отдельного ученого [См.: 7, с. 11]. В итоге также интересно посмотреть, как взаимодействовали и взаимовлияли две эти сферы бытования эмоций.

Данное исследование представляет собой попытку сделать предварительные замечания по поводу способов изучения эмоций как элемента исследовательской историографической практики на примере анализа текстов В. П. Бузескула. Выбор этого историка не случаен. С одной стороны, В. П. Бузескул является представителем позитивистской историографии, которая была институционализована на основе замены субъективных, чувственных оценок историков-романтиков аналитическими процедурами, с другой стороны, по своему психологическому складу он был достаточно уравновешенной и цельной личностью. Поэтому выбор данного автора предполагает своеобразный вызов определенным стереотипам.

Объектом нашего анализа станет историографическая глава из работы В. П. Бузескула «Афинская полития Аристотеля как источник для истории государственного строя Афин до конца V в.» (1895 г.) [1] и его работа «Современная Германия и немецкая историческая наука XIX столетия. К происхождению современной германской идеологии» (1915 г.) [5]. Эти работы различаются как по жанру, так и целеполаганию автора. Первая представляет собой докторскую диссертацию ученого, а вторая, по его собственным словам является не научным исследованием, но скорее публицистической работой [5, с. 3], написанной в разгар Первой мировой войны. Тем не менее обе эти работы были глубоко связаны со сферой личных переживаний автора. По признанию В. П. Бузескула, полемика вокруг «Афинской Политии» послужила ключевым фактором, окончательно склонившим профессиональные предпочтения историка к области древнегреческой истории [4, с. 7]. В то же время работа, посвященная разоблачению идеологии, воплотившейся в немецкой историографии, стала своего рода «открытием», которое потрясло систему духовных и профессиональных ценностей ученого [8, с. 178–179].

Анализируя эмоциональное маркирование в историографических репрезентациях, можно говорить о двух уровнях: о *сознательно артикулируемых эмоциях* и *неартикулируемых эмоциях*, но

появляющихся в тексте как прямой результат сознательной авторской интенции или как следствие выбора им определенных риторических стратегий.

К уровню артикулируемых эмоций прежде всего относится фиксация эмоциональности исторических акторов и эмоционально окрашенных явлений прошлого. Например, В. П. Бузескул в работе «Афинская Политика Аристотеля как источник для истории государственного строя Афин до конца V в.» неоднократно отмечал чувства, вызванные находкой памятника у тех историков, взгляды которых он исследовал. Например, «исследователи с восторгом приветствовали находку» [1, с. 10], «свою статью Рюль начинает заявлением, что вероятно не он один испытал горькое разочарование при чтении трактата» [1, с. 32] и т.д. В работе, посвященной немецкой историографии, такие сюжеты также присутствуют. Так, В. П. Бузескул писал, что Б. Нибур, признавая влияние «поры унижения Пруссии» на создание его истории, эмоционально определял мотивы своего творчества выражением: «ушел к давно исчезнувшей нации, чтобы подкрепить дух мой и моих слушателей» [5, с. 10], а Карл Лампрехт, будучи приват-доцентом, приветствуя приезд Бисмарка, «готов был кричать ура и как от волнения лишился голоса» [5, с. 57]. Также к уровню артикулируемых эмоций можно отнести и эмоции самого автора. Например, рассуждая о немецкой идеологии, В. П. Бузескул часто использует выражение «идеология, удивившая многих» [5, с. 6]. К этому же уровню относятся и авторские характеристики и оценки, выраженные посредством эмоциональных слов, которые проявляют отношение автора к изучаемой реальности. Например, говоря об «Афинской Политии», В. П. Бузескул писал, что против Аристотеля «выступил известный своими нападками на афинскую демократию Юлиус Шварц», который подверг памятник «беспощадной, страстной и придиричливой критике» [1, с. 25]. И далее, характеризуя взгляды Рюля, харьковский историк замечал, что «никто еще в критике не заходил так далеко, никто не впадал в такие крайности, не говорил таким страстным и раздраженным тоном» [1, с. 32].

Авторские интерпретации также выражаются и путем приписывания объектам исследования определенных эмоций. В работе о связи идеологии и исторической науки в Германии такие сюжеты преобладают и приобретают особую остроту. Характеризуя В. Гизебрехта, В. П. Бузескул упоминал, что этот историк «с пафосом, высокопарным языком описывает немецкие победы», «в особенности

с явным удовольствием и каким-то умилением говорит Гизебрехт об истребительных войнах немцев против славян» [5, с. 10]. В другом месте В. П. Бузескул указывал, что французский историк О. Тьерри «испытывал скорбь и сострадание при виде документа, в который занесены страдания побежденных» и противопоставлял чувства Тьерри позиции Т. Момзена, который признавал только право победителей [5, с. 34]. Авторское приписывание эмоций проявилось и при описании «резко враждебного отношения», «бурной ненависти» Г. Лео к французам [5, с. 22] или в замечании следующего типа: «По ненависти и презрению собственно к русскому народу чрезвычайно характерна книжка Виктора Гена» [5, с. 42].

Таким образом, за счет артикулируемых эмоций в историографических текстах происходило придание описанию реальности прошлого определенной «живости», присущей изначально этой реальности. С другой стороны, обнажаемые эмоциональные отношения автора облегчали читателям навигацию в системе его оценок и мнений, создавали эмоциональные предпосылки для солидаризации с позицией автора или наоборот расхождения с ней.

Второй уровень эмоционального маркирования представлен, по нашему мнению, *неартикулируемыми эмоциями*, но тем не менее проявляющиеся посредством риторических приемов. Прежде всего, этим целям служили эмоциональные по своему характеру понятия и метафоры. Например, в работе, посвященной «Афинской Политии», это такие понятия: «скептицизм и гиперскептицизм», «умеренное направление»; метафора «драгоценная находка», фразы «Фукидид – величайший историк древности» [1, с. 16], «мы не будем подробно следить за нападками Рюля, это заняло бы слишком много места» [1, с. 33]. Эти эмотивные выражения хотя и не содержат прямых отсылок к эмоциям, но ясно отражают отношение автора, за которым так или иначе стоят определенные эмоции. В работе о немецкой исторической науке такие эмоциональные оценки передавались системой выделения тех или иных слов курсивом. Так, характеризуя творчество и взгляды Л. Ранке, В. П. Бузескул признавал, что во многих случаях объективность и беспристрастие этого историка удивительны [5, с. 12]. При этом отношении автора проявляется в курсиве, которым он выделяет слово «объективная»: «Ранке глава немецкой исторической *объективной* школы», ссылаясь при этом на политические взгляды Ранке, высказанные им в источниках личного происхождения [5, с. 10].

В другом месте, В. П. Бузескул, говоря о высказывании Т. Момзена о том, что война является двигателем «прогресса», подчеркивал, что историк при этом не просто «констатировал факт, но видимо *сочувствовал* [курсив – В.П.] ему» [5, с. 34]. Фактически курсив, подчеркивающий значение отдельных слов, должен был не только обращать на них внимание, но и вызывать или усиливать определенные эмоции. В частности, в тексте курсивом выделялись такие слова: «культ силы», «армия», «милитаризм», «соединение политики и исторической науки» и др.

Неартикулируемое эмоциональное маркирование проявлялось посредством особого отбора фактов, героев, цитат и в особой логике изложения материала. Рассмотрим историографическую главу диссертации В. П. Бузескула. Интересно, что в этой работе сообщение о мнениях российских ученых по поводу «Афинской Политии» появляются в самом конце параграфа «Начало умеренного направления». При этом, отмечая, что в российской литературе преобладало умеренное направление, В. П. Бузескул заканчивает параграф цитатой П. Г. Виноградова, содержащей характеристику дискуссии:

«Немало и усердно работают ученые, особенно немецкие над интересной находкой. Приступают к ней со всеми предписанными наукой предосторожностями, сплошь и рядом начинают с правильных и ценных наблюдений. Но затем всеми овладевает какое-то загадочное безумие, которое прямо уносит исследователей в область нелепого. Одни поражены фанатическим увлечением и непрерывно славословят, другие проникаются берсеркерской яростью, третьи думают разгадать все тайны автора с помощью подстановки политических понятий современной Германии, четвертые во имя критики пытаются стяжать славу Герострата и Колумба, разрушить и создать новую историю Афин 5 века. Кто знает, может быть, старый папирус... заколдован и приносит несчастье всем, кто им занимается?» [1, с. 60].

Цитируя этот очень эмоциональный отзыв, В. П. Бузескул не только солидаризируется с автором, но также выражает и доказывает определенную мысль о значении русской науки всеобщей истории, нашедшую позднее ясное выражение в последней итоговой историографической работе Бузескула «Всеобщая история и ее представители в России в XIX начале XX века». Вот эта мысль:

«Подчиняясь влиянию западных идей, западной науки, русская наука в деле изучения всеобщей истории однако не ограничилась лишь пересказом результатов, добытых на Западе; она, хотя и молодая, внесла тут и нечто свое; внесла и новый материал при решении некоторых вопросов, и новое освещение и новую точку зрения. Примыкая к тем или другим течениям на Западе, разделяя те или иные его симпатии и антипатии, всеобщие историки в России стояли все же дальше от той борьбы политической, классовой, национальной, вероисповедной и т.д., которую переживала Европа ... они находились скорее в положении зрителей, нежели действующих лиц; они могли отнестись поэтому спокойнее, беспристрастнее [курсив – Ю.К.] ко многим из изучаемых явлений и заметить в них то, что иногда ускользало от взора западных историков» [3, с. 6].

Таким образом, незаангажированность и связанный с этим уровень эмоциональности при проведении исследований историками Российской империи ставили их в выгодное положение, являясь условием совершения определенных научных открытий. Если в последней цитате эта мысль высказывается ясно как вполне сформировавшееся убеждение, то в докторской диссертации В. П. Бузескула она только начинала оформляться и наблюдаемые ученым эмоции в текстах историков стали для ее зарождения и предлогом, и важным аргументом. Таким образом, эмоции в историографических текстах могли присутствовать не только как характеристики объектов изучения, или маркеры авторского отношения к ним, но и могли выступать в качестве элементов исследовательской аргументации историографов.

Сделать эту мысль более явной поможет анализ содержания рассматриваемых работ В. П. Бузескула. Интересно, что изложение процесса исследования «Афинской Политии» в первые годы после её публикации представлено в работе В. П. Бузескула не только как борьба мнений, но и как определенная «история чувств» по поводу данного памятника. Это наглядно представлено в разбивке текста на параграфы: «Опубликование «Афинской Политии» и первые восторженные отзывы о ней»; «Отрицательное отношение к находке в Англии»; «Представители скептического направления на континенте»; «Борьба противоположных взглядов»; «Начало умеренного направления».

Кажется, что подобное структурирование естественно и автор в данном случае не привносит эмоции извне, но скорее следует за эмоциональными характеристиками реальных исторических процессов. Действительно, была острая борьба мнений, сопровождающаяся

проявлением эмоций. Однако, автор мог придерживаться и другого принципа изложения хода полемики. Например, хронологический принцип тоже был бы вполне логичным и реальным. Почему же все-таки чувства стали структурировать изложение? Первая причина уже была озвучена. Это иллюстрация и обоснование важной для автора идеи об особом положении российской науки всеобщей истории. Вторая причина связана с доказательством исследовательской гипотезы Бузескула о принадлежности «Афинской Политии» Аристотелю. Нужно сказать, что в предисловии к книге автор специально оговаривает, что в основу историографической главы легла его ранняя статья, опубликованная в «Журнале Министерства народного просвещения» в 1892–1893 гг. [2] в то время, когда, по словам историка, вопрос об авторстве Аристотеля оставался «спорным и сомнительным» [1, с. III].

Таким образом, в тех условиях, когда В. П. Бузескул в своей работе не мог охарактеризовать вопрос о принадлежности памятника Аристотелю как «исчерпанный», а само это утверждение как научно удостоверенное, он наделял и подкреплял это мнение в своем историографическом обзоре важной характеристикой, его умеренностью. Эта «умеренность» репрезентовалась как результат борьбы эмоций. И если в отношении научной полемики можно было ожидать появления новых мнений и серьезных аргументов, их подкрепляющих (например, достаточно влиятельной была мысль о принадлежности трактата одному из учеников Аристотеля), то в отношении борьбы эмоций победа «умеренного направления» была окончательной и безусловной. Постулировалась мысль о том, что больше никогда полемика по поводу авторства «Афинской Политии» не сможет приобрести былой остроты, и все последующие мнения будут соизмеряться с умеренностью (однако за этим умеренным направлением стояла и вполне определенная научная концепция, приписывающая авторство трактата Аристотелю). Таким образом, историографическая рефлексия (с использованием в качестве аргументов эмоций), помогла доказать точку зрения В. П. Бузескула и внесла свою лепту в сам ход дискуссии, ускорив утверждение мнения, что вопрос о принадлежности «Афинской Политии» Аристотелю решен.

Работа В. П. Бузескула «Современная Германия и немецкая историческая наука XIX столетия» также является ярким примером использования эмоционального маркирования в процессе создания историографической репрезентации и доказательства авторской гипотезы. Так, исследование В. П. Бузескула состоит из

пронумерованных параграфов, посвященных отдельным историкам или историческим школам, при этом часто конкурирующим как по своим методологическим подходам, так и по политическим взглядам их представителей, что автор сознательно подчеркивал. Например, в книге противопоставляются Ранке и Шлоссер, Зибель и Дан, Ранке и Лео и т.д. Тем не менее главной темой книги стало сходство всех этих историков.

Сходство проявилось прежде всего, по словам В. П. Бузескула, в единстве милитаристской идеологии историков. Лейтмотивом книги стало утверждение: «Нигде, может быть, интересующая нас идеология не проявилась так ясно, так рельефно как в немецкой исторической науке» [5, с. 7]. Однако фактически идеологию автор сближал с «настроением» [5, с. 26], подразумевая под ним не столько систему убеждений, сколько чувств, которые испытывали историки и которые пытались вызвать посредством своих исторических работ. Среди этих чувств главными были чувства гордости, патриотизма и ненависти. Именно на уровне чувств для немецких историков был возможен отход от идеалов объективности и признание обусловленности собственного научного творчества с актуальными общественно-политическими запросами. Более того, именно чувства стали той общей платформой, которая дала В. П. Бузескулу возможность найти сходные черты немецких историков, придерживающихся разных политических взглядов. В этом плане интересен сюжет, посвященный творчеству Г. Гервинуса. В. П. Бузескул начинает анализ его книги «История немецкой поэзии» с цитирования цели автора «показать нации ее настоящую цену, возродить утраченное доверие к себе самой, вдохнуть в нее, наряду с гордостью своим древнейшим прошлым, радость по отношению к настоящему моменту и мужество по отношению к будущему» [5, с. 23–24]. При этом В. П. Бузескул указывает на признание автором политико-патриотических целей которыми он руководствовался [5, с. 24]. Однако вместе с тем харьковский историк упоминал, что Г. Гервинус мечтал о достижении единства Германии мирным путем, а события 1864–1870 г. и объединение, произошедшее в результате ряда военных конфликтов, «ему не внушало энтузиазма», так как победы не принесли удовлетворения по поводу внутреннего состояния Германии и вели «к непредвиденным опасностям», противореча, по мнению ученого, природе немецкого народа [5, с. 26].

Несмотря на свои политические убеждения, в изложении В. П. Бузескула Г. Гервинус не выпадает из ряда «обвиняемых» немецких

историков. Его «вина» доказывается на основе тех чувств, которые вызвала его книга. При этом В. П. Бузескул ссылается на критиков, отмечающих, что «Германия почерпнула у Гервинуса чувства, которые ее одушевляют теперь: навязчивую идею будущего величия и единства Германии, пылкий и яркий патриотизм ... безрассудную ненависть к чужим нациям» [5, с. 25].

Таким образом, в основе работы В. П. Бузескула «Современная Германия и немецкая историческая наука XIX столетия» также лежит определенная «история чувств». С одной стороны, чувства историков прошлого стали объектом изучения исследователя, с другой стороны, они использовались в процессе научной аргументации, позволяя в ходе «объективного» изложения биографических сведений и аккуратного цитирования мнений немецких историков доказать совершенно конкретную гипотезу. При этом и сама гипотеза являлась эмоциональной по своей природе. Фактически работа стала обвинительным актом, вынесенным немецкой историографии, пропагандирующей потенциально опасные чувства.

Нужно упомянуть, что в послевоенных работах В. П. Бузескул «примирился» с немецкой исторической наукой, сумев увидеть в ней симптомы научного обновления [8, с. 181]. Таким образом, все творчество харьковского историка может быть исследовано с вопросником об эмоциональности его историографических репрезентаций и такой анализ позволит обогатить наши представления о самом историке, его исследовательском целеполагании и инструментарии, а также в целом поставить вопрос об особенностях исторического мышления историков-позитивистов.

В итоге, предложенный в данной статье анализ эмоционального маркирования в историографических работах В. П. Бузескула подкрепляет утверждение, что эмоции являются важным элементом исторического мышления и конструирования историографических репрезентаций даже в эпоху позитивизма, настаивающего на ценности безэмоциональных подходов. С другой стороны, исследование эмоций, присутствующих в историографических текстах, позволяет поставить вопрос о взаимодействии систем моральных убеждений определенной эпохи, ценностно-эмоциональных нормативов отдельных сообществ и социальных групп и способов использования эмоций в научном исследовании. Например, за «умеренностью» можно увидеть как долгую традицию формирования поведенческих практик интеллектуалов,

так и процесс формирования представлений о сущности науки, идеалах ведения научной полемики, а также исследовательских добродетелей. исследование эмоционального маркирования тестов историков прошлого может не только расширить инструментарий историографов, но и стать важным фактором саморефлексии в эпоху постнеклассической науки, когда этико-эмоциональная позиция становится результатом сознательного выбора историка.

1. Бузескул В. П. Афинская полития Аристотеля как источник для истории государственного строя Афин до конца V в. / В. П. Бузескул. – Х., 1895. – 484 с.
2. Бузескул В. П. Вопрос о новооткрытой «Афинской политии» // ЖМНП. – 1892. – № 7. – С. 142–189; 1893. – № 5. – С. 134–212; № 10. – С. 450–483.
3. Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века : в 2 ч. / В. П. Бузескул. – Л., 1929. – Ч. 1. – 218 с.
4. Бузескул В. П. Речь в ответ на приветствия и доклады в заседании научно-исследовательской кафедры истории европейской культуры 1 апреля 1928 г. / В. П. Бузескул // Наукові записки науково-дослідної кафедри історії європейської культури. – Х., 1929. – Вип. 3. – С. 5–9.
5. Бузескул В. П. Современная Германия и немецкая историческая наука XIX столетия: К происхождению современной германской идеологии / В. П. Бузескул // Русская Мысль. – 1915. – № 2. – С. 24–85.
6. Винницкий И. Заговор чувств или русская история на «эмоциональном повороте» / И. Винницкий // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 117. – С. 441–460. – Режим доступа : <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/117/v35.html>
7. Зорин А. Л. Появление героя. Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века / А. Л. Зорин. – Москва, 2016.
8. Кисельова Ю. А. Становлення та розвиток історіографії в імператорському Харківському університеті : монографія / Ю. А. Кисельова. – Х., 2014. – 252 с.
9. Кисельова Ю. Перспективи дослідження співтовариства істориків як «емоційного співтовариства» // Історик і влада. Колективна монографія / відповід. ред. В. Смолій; творчий кер. проекту І. Колесник. – К., 2016. – С. 287–301.
10. Николаи Ф. В. История эмоций и «аффективный поворот»: проблемы диалога / Ф. В. Николаи, А. В. Хазина // Диалог со временем. – М., 2015. – Вып. 50. – С. 97–115.

11. *Buller Andreas*. Theorie und Geschichte des Spurbegriffs. Entschlüsselung eines rätselhaften Phänomens. Tectum Verlag Marburg, 2016. – S. 102–120.
12. *Domańska Ewa*. Historie niekonwencjonalne. Refleksja o przeszłości w nowej humanistyce [Unconventional Histories. Reflections on the Past in the New Humanities]. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2006.
13. *Herman Paul*. Performing History: How Historical Scholarship is Shaped by Epistemic Virtues // *History and Theory*. – 2011. – № 50 (February). – P. 1–19
14. *Rosenwein B. H.* Worrying about Emotion in History / Barbara H. Rosenwein // *American Historical Review*. 107. – No 3 (2002).
15. *Rusen Jorn*. Emotional Forces in Historical Thinking: Some Metahistorical Reflection and the Case of Mourning // *Historiein*. – 2008. – № 8. – P. 41–52.

Кісельова Ю. А. Емоційне маркування в історіографічних текстах (на прикладі історіографічних праць В. П. Бузескула)

Стаття є варіантом case-studies та присвячена дослідженню емоційного маркування, присутнього в історіографічних репрезентаціях історика Харківського університету В. П. Бузескула. Автор розглядає питання про особливості репрезентації емоцій в історіографічних текстах та про їхнє значення як елементів дослідницького інструментарію історіографа доби позитивізму. Доводиться теза, що емоції в текстах В. П. Бузескула були об'єктом дослідження, інструментом аргументації та виступали складовою дослідницької гіпотези. Автор відстоює думку, що студіювання емоцій та емоційного маркування може збагатити дослідницькі підходи сучасної історії історіографії.

Ключові слова: історія емоцій, емоційне маркування, історія історіографії, В. П. Бузескул, історичне мислення, історіографічна рефлексія.

Kiselyova Ju. A. The Emotion Marking in the Historiographical Writings (on the Materials of the V. Buzeskul's Historiographical Works)

The article is a case-study. It investigates emotion marking in V. Buzeskul's historiographical works. The author considers the question of how emotions are represented in his historiographical texts and examines the meaning of the emotions as part of the research toolbox of a positivist historiographer. The author advances the thesis that emotions could be a research object, instrument of argumentation and part of a research hypothesis. The author argues that studying emotions and emotion marking can open up new approaches for present-day history of historiography.

Keywords: history of emotion, emotion marking, history of historiography, V. Buzeskul.